

ЛИЦО МОЕГО ВЕКА

ЧТО ЭТО? Школа интеллектуального представления, ожившая клоунада века или крик негомо? Кто это?

«Наблюдатель и свидетель своей эпохи, мим так же вечен, как время». — свидетельствует «великий пац» Марсель Марсо.

Он... Так просто «сделанный» странник — мел, помада и черные нарисованные слезы.

Он шел «против ветра», ключего, злого ветра людских взглядов, силясь пробить его коленями и локтями. Он шагал, падая, поднимаясь, упираясь плечами в бурю, бился лбом в бессилии упрямыства. Освобождаясь, выпрямлялся, направляя руками-веслами победенный ветер жизни.

Маленькая, одинокая фигурка натянута как струна. Она графически режет в громадном пространстве мира-сцены одну картину за другой. А сквозь нее, словно из гигантского зеркала, вопрошающе смотрит лицо современного Человека... Величие и ничтожество одновременно. Для мима не существует правды, которую нельзя обнажить.

КЛЕТКА. Человек на земном шаге... луч или улыбка? И вдруг — клетка! За что?! Бьются крыльями руки, ищут выхода. А клетка движется, давит, и человек задыхается, согбенный, на коленях...

Это клетка страха, глухая, как бесплодная мысль. Клетка из колочего обмана. Пытаясь вырваться, скользишь, сбиваешься с мысли, падаешь, сломленный собственной немощью. Рвешься в стремлении постичь непостижимое, увидеть незримое, понять неведомое...

Хоть миг ясности, мгновение счастья — счастья на распростертой ладони! А вокруг — вечная клетка из подлости, злобы и трусости. Клетка звериного общества высококвалифицированных рабов. Смертельный испуг безысходности... Смерть.

МАСТЕР масок.

«Я надеваю на себя задумчиво и скорбно лица своих собратьев... Маски XX века.

Вот маска недоумения, потерянности и страха; маска грусти с оскалом паяца; двуликая маска скептика-скряги...

Пац и обыватель...

Кто кого? Кто из кого?

Надеваю их нервным, плавным жестом на бледнеющее «Я», растерянное лицо века.

Трясется старик, похвалится глупостью воин, мелькает жеманный денди. В чем разница? Их много, и все не мои!

Застывшая грусть, ирония скалозуба-шута влечет меня. Маска смеющегося отчаяния.

Я надеваю ее. И шучу... Пугаю себя и судорожно застывший зал. Маска клоуна — она нашла меня, взяла мое «Я», и мне не снять, не уйти от нее.

Помогите, отдайте мне меня! Эй, кто-нибудь, снимите с меня эти белые щеки, нарисованные черные слезы и эту плачущую красную глотку клоуна!

Вы сместесь в ответ, словно я — картонный пац и истекаю клоквенным соком. А я — «всего лишь» раненая совесть. Маска паяца — это ваше и мое скрытое горе. Так не смейте издеваться над обнаженным горем, подумайте о себе!

Я снимаю бесценную, дорогую и добрую маску, столь близкую мне и вам. Перед вами бледное, мертвое «Я». Мое безликое лицо... Клоуна и Человека».

ВЫ, КОНЕЧНО, поняли, что все это — один человек. Он оказался молчаливым, добрым клоуном. Мы стали видеть, слышать, думать, смеяться и плакать вместе с ним. Марсель Марсо не произнес ни звука, он только сливался иногда с музыкой, сочетая идеи и движения сердца в едином

ритме». (М. М.). Но если вы спросите все-таки: «Что же такое пантомима?» — Марсо ответит вам: «Это гиперболы и реальность, отбор и синтез. Пантомима — увеличительное стекло, которое артист подносит к глазам зрителя... Если хотите — это рентген мозга, помыслов. И вы знаете, что движет человеком, потому что мимист делает действительным окружающее, раскрывает внешнее и затаенное. Он надевает маску, чтобы сорвать ее с лица своего персонажа. Он бросает в глаза добро и зло, заключенное в «герое», — робость наглеца, цинизм лирика, смелость труса. Все характеры передаются через контрасты».

МИР — это базар шутов», — уверяет Бип, наивно прикусив неуверяющий цветочек жизни. Кто он? Простой парень, сентиментальный, мечтательный, обыденная повседневность будней, каждый из нас, народ. Бип многолик. Он бродяга и поэт, лирик, клоун, скептик и мечтатель, он философ и авантюрист. А в общем — веселый, находчивый неудачник.

В мечтах Бип представляет себя Дон Жуаном. Любовные подвиги совершаются легко и изящно. А дома — немывтая посуда, растрепанная жена, пощечины и собачонка... Бип бежит в мечту и величаво застывает в летящей позе на пьедестале.

На светском вечере — фальшь и тупость, пьяные, снисходительные или занскивающие улыбки.

Не лучше ли стать циркачом и продавать свою умелость, нервы, жизнь за гроши?

Поднимая штангу, он клонится, задыхается под тяжестью, падает, дрожа, с вымученной бодряческой улыбкой поднимается и, наконец, «номер» готов! А где же деньги?

«Бип-канатоходец». Неуверенно, словно ослепнув от страха, нащупывает ногой трясущуюся проволоку. Гримаса ужаса молниеносно сменяется сделанной клоуноской улыбкой. Обе сливаются в мольбе... О снисхождении? Сочувствии? Или помощи? Трус-акробат. Что может быть грустнее?

Надежда — стержень жизни. Она не покидает маленького чудака. Надежда преодолевает одиночество, поймать в ладонь летящую радость, а потом пытаться оживить ее (знаме

нитый номер прошлой программы — «Бабочка»).

Как прожить, чтобы не умереть? За что схватиться, чтобы обрести хотя бы временную устойчивость? Снова надежды, полуудачи и поражения.

Быть может, повезет на арене? Облечившись в павлинью одежду матадора, бесстрашно идет неудачник в бой. Он изворачивается, подпрыгивает, угрожая быку. Он во всеоружии. Опять провал — бык боится матадора, победа коварно медлит. Даже враг достался Бипу трусливый. За кулисами, сосредоточенно пыхтя, «матадор» донт быка, который почему-то оказался кроткой коровой.

И так всегда. Мелькнет счастье, солнце, подует ласковым ветром воображаемое благополучие — и снова Бип одинок, беспомощен. Он пытается дognать уходящих, скользит и падает, он играет в прятки с опасностью, не сознавая ее.

Бип становится солдатом. Быть может, ружье придаст растерявшемуся неудачнику уверенности? Обняв любимую, в лесу, под свист соловья, он слышит зов трубы. Строем проходят солдаты. Вот она, жизнь, победа, сейчас он станет сильным! Он только не понимает, что для этого надо убивать. Выстрел. Падает на колени голова мертвого друга. Изумленно, гневно и вопрошающе смотрит Человек, которого заставляют быть убийцей, в зал. Он идет к нам, раскинув руки, словно желая убедить кого-то, напомнить самому себе и всем, как прекрасна жизнь, солнце, поцелуй и соловьиный свист. И тут же падает. Последний раз возникает перед потрясенными людьми его простая жизнь.

Била уносят, уходит с ним мелодия счастья, шелест леса, голос любимой.

ЧЕЛОВЕК остается Человеком. Человека убили, но осталась жить его мечта — настоящее его «Я». И снова борьба — вечная борьба между добром и злом, жизнью и уничтожением, истиной и ложью...

Медленно тает фигурка веселого неудачника. Он более не плачет и не смеется — он уходит.

Прощай, Бип! — печальный клоун грустной клоунады.

С. ЛАСКА,
М. БАБАЕВА.

Фото В. ПЛОТНИКОВА
и В. ТРУШКОВСКОГО.